



МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Стенограмма

**ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:
В ПОИСКАХ НОВОГО
РАВНОВЕСИЯ**

6 марта 2018 | Москва

СПИКЕР

Дмитрий Тренин, директор Московского
Центра Карнеги

МОДЕРАТОР:

Александр Габуев, руководитель программы
«Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе»
Московского Центра Карнеги

Габуев. Добрый день, уважаемые коллеги! Меня зовут Александр Габуев, я старший научный сотрудник Московского Центра Карнеги, руковожу здесь азиатской программой, но сегодня буду модерировать событие, посвящённое европейской и евроатлантической безопасности. На мой взгляд, для России это по-прежнему ключевое направление её внешней политики, и для мира, конечно, основное значение имеет то, что происходит именно на этом театре. Я с удовольствием представляю директора Московского Центра Карнеги Дмитрия Витальевича Тренина, который в особых представлениях не нуждается, тем более в этих стенах. Дмитрий Витальевич был одним из основных участников проекта под названием «Европейская безопасность», который мы реализовывали весь последний год при поддержке британского Министерства иностранных дел и по делам Содружества. Читатели сайта Carnegie.ru наверняка видели на сайте большое количество текстов, которые сопровождалась этой плашкой, что это часть проекта «Европейская безопасность». Они были посвящены совершенно разным аспектам того, как выстраиваются отношения между Россией и Европой. И там есть голоса и российских авторов, есть голоса и западных авторов, и такая довольно бурная полемика. И вот венцом этой полемики становится теоретическая, более фундаментальная, глубокая работа, которую написал Дмитрий Витальевич и о которой пойдёт речь. Если вы не против, мы построим нашу работу так, что Дмитрий Витальевич расскажет об основных идеях своей работы, которую уже можно читать на сайте и найти в виде брошюры, где-то минут 15–20, затем я ему чуть-чуть позадаю вопросы, и затем возможность задать вопросы будет у вас. Перед тем как задавать вопросы, я попрошу вас представиться и рассказать, в какой организации вы работаете. Спасибо. Тогда без промедления слово Вам, Дмитрий Витальевич.

Тренин. Александр, большое спасибо за это представление. Большое спасибо, что вы согласились. Александр, только что преодолев очередное колоссальное расстояние в своих многочисленных поездках по миру, в Соединённых Штатах, и вот согласился с корабля сразу ступить на базовую поверхность, и вот я ему очень благодарен за это. Я не знаю, насколько это венец, насколько это фундаментально, насколько это теоретично, но я поделюсь какими-то своими мыслями, соображениями, которые у меня возникли за последние 6, 7, 8 месяцев, за время работы над тем проектом, который стал возможным благодаря помощи британского Министерства иностранных дел.

Но выводы доклада и то, что вы прочтёте, если откроете брошюру — всё это является зоной моей исключительной ответственности. Ни британское министерство, ни московский центр, ни многочисленные авторы, которые публиковались под той плашкой, о которой сказал Александр, — они имеют отношение, но не несут ответственности. Несу ответственность я.

У меня несколько выводов. Они все, скажем так, реалистичные в том смысле, что они не очень весёлые. Первый вывод — это то, что Европа перестала быть самым безопасным регионом на земле, довольно банальный вывод, но его необходимо было сделать. Она превратилась вместо этого в одну из арен глобальной, я её называю, гибридной войны. Чтобы как-то показать, с одной стороны, связь с холодной войной, а с другой стороны, отличие от холодной войны, я называю это гибридной войной. Просто взял с полки журналистское, ходячее, расхожее описание, которое имелось, и использую для своих целей. Вот этой глобальной гибридной войны, которую ведут друг против друга Соединённые Штаты и Российская Федерация. Страны Европы играют в этой войне свою роль, эта роль в основном пассивная. В основном, хотя некоторые страны более активны, чем остальные.

Главная задача, как я её вижу, в этой ситуации — это предотвратить скатывание к вооружённому конфликту между Россией и НАТО. И такое скатывание, в принципе, возможно вследствие эскалации существующих конфликтов (читай, Донбасс, прежде всего), просчётов в оценке потенциального противника. То, что делают американцы — это делается для того, чтобы нанести по России упреждающий, обезглавливающий удар, или для чего-то другого? Россия размещает свои войска на своих северо-западных рубежах для того, чтобы вторгнуться в Латвию и Эстонию или для чего-то ещё? То есть могут быть разные оценки, от этих оценок могут пойти разные выводы, и в какой-то кризисной ситуации это может сыграть роль в том числе роковую.

Инциденты с вооружёнными силами Соединённых Штатов и России, причём как на территории Европы, так и на территории других стран. Далеко не будем ходить: Сирия, где недавно, месяц тому назад, в результате бомбового удара американской коалиции погибли российские граждане. Да, они не были военнослужащими, да, они действовали автономно, но можно себе представить... Да, реакция была довольно тихой с российской стороны, но можно себе представить, какая была бы реакция, если бы российская авиация разбомбила бы какую-нибудь американскую частную военную компанию; наверно, была бы совсем другая реакция. То есть мы входим... Мы с Александром были на Мюнхенской конференции по безопасности, и там доклад конференции назывался «К опасной черте и назад», *To the brink and back*. Вот начёт *back* я пока не уверен, а вот *to the brink* — мы пока ещё идём в том направлении, в том районе находимся. Вот это задача на короткую перспективу.

На среднесрочную перспективу я бы в этом докладе предложил бы, скажем так, поэтически выражаясь, формирование архипелага сотрудничества, основанного на общих интересах России и европейских стран. Я сразу же скажу, что я не вижу никаких, абсолютно никаких возможностей для улучшения российско-американских отношений на очень длительную перспективу, поэтому Америку я не рассматриваю здесь вообще.

И в долгосрочной перспективе — это формирование нового равновесия, уже не в рамках Европы, не в рамках Евро-Атлантики, а в рамках Большой Евразии, которая включает страны азиатского континента, в том числе и Китай, которое основывается на признании различия между участниками этой довольно сложной системы.

Что я вижу в качестве главной причины той ситуации, где мы оказались сегодня? Опять-таки, на мой взгляд, это тоже достаточно понятно, может быть, даже банально, но я всё-таки назову эту причину, для порядка хотя бы — это неспособность после холодной войны выстроить систему безопасности Евро-Атлантики, которая включала бы на взаимоприемлемых условиях (это очень важно добавить) Российскую Федерацию. Почему это оказалось невозможно? Почему такая неспособность?

Я думаю, опять-таки есть две причины — это отказ России признать американское лидерство, а это, на мой взгляд, входной билет в любую систему, в которой участвуют Соединённые Штаты Америки, и отказ Соединённых Штатов предоставить России равный с собой статус. Соединённые Штаты никому не предоставляют равный с собой статус и не предоставят, и Россия здесь, в принципе, не могла на это рассчитывать и не может на это рассчитывать и сейчас.

Дальше я углубляться не буду. Я когда-то написал тоже такую же синенькую брошюрку в 2014 году о том, как Россия выходит из системы, созданной по результатам холодной

войны, что это означает и почему это происходит. Я в это не вдаюсь. Это вопрос исторический.

В этой гибридной войне, о которой я говорю, отношения с разными евро-атлантическими странами или категориями стран разные. Отношения с Соединёнными Штатами я здесь определяю как конфронтацию. Отношения с Европой я определяю как отчуждение. Вот в этой реальности, я думаю, нам придётся жить, наверно, какое-то время. Наверное, длительно время. Мы уже живём 4 года. Но проблема, конечно, не в Крыме, не в Донбассе и не в Украине. Она глубже. Она глубже, чем расширение НАТО и чем проблема противоракетной обороны и так далее.

Я употребил здесь словосочетание «гибридная война», даже использую его как такой квази-термин. В двух словах, чем она отличается от холодной, как будет проходить и чем закончится, на мой взгляд. Я думаю, что, во-первых, я уже говорил о том, что необходимо развести гибридную и холодную, потому что если мы будем исходить из логики холодной войны, то мы будем искать те вещи, которых нет и не будет, и пропустим те вещи, которые есть и будут, потому что мир изменился, и просто употреблять понятие холодной войны, на мой взгляд, дезориентирующе.

Итак, это не холодная война, потому что отсутствует идеологический антагонизм, кто кого закопает, конфликт России и Америки не системообразующий при глобальных отношениях в мире, происходит (и это очень важно) в едином интегрированном мире, где нет ни железного занавеса, ни Берлинской стены; основные сферы борьбы — это экономика, политика, информационное пространство очень важно, финансы, конечно же, киберпространство и так далее. И борьба идёт всё более и более на качественном уровне. Количественные параметры имеют значение, но не решающее. Этот конфликт исключительно асимметричен. Америка обладает в десятки раз большим потенциалом, чем Россия, по большинству направлений, и, тем не менее, Россия не сдаётся, и, тем не менее, конфликт имеет некоторую перспективу.

Россия действует в одиночестве, даже без номинальных союзников, чего не было во времена холодной войны. Конфронтация идёт без установленных правил. Отсутствует даже минимальное уважение друг к другу в политических элитах. Даже минимальное уважение, которое было во времена холодной войны. И парадокс, главная ось международной политики — это, конечно, американско-китайские отношения, но мы говорим здесь о гибридной войне между двумя очень странными соперниками, один из которых, с точки зрения другого, уже давно повержен и должен был бы признать реальность, но вместо этого претендует, не совсем понятно этому второму, на что.

Выбор оружия. Для Соединённых Штатов выбор оружия очевиден. Финансово-экономическая мощь Соединённых Штатов представляет наиболее весомый фактор в противостоянии с любым другим игроком. Информационное преобладание Соединённых Штатов. Система союзов, особенно в Европе.

Для России серьёзным... России особо выбирать не приходится, и поэтому здесь на первый план выходит наряду с информационной составляющей, которая не может, конечно, конкурировать всерьёз с американской, понятно... выходит оружие в виде военной силы. Не зря Владимир Владимирович Путин именно на это обратил внимание во время своего выступления с Посланием. Так что военная сила, информационные контратаки, кибер, работа с несистемными силами в различных государствах.

Выбор стратегии. В Соединённых Штатах, как мне представляется, стратегия, как она выстраивается — это неуклонное повышение давления на Россию, которое, я думаю, будет расти и, наверное, достигнет максимальной точки в момент, когда в России наступит черёд смены власти. Наверное, не в 2024 году, а тогда, когда это наступит. Может быть, раньше — вряд ли; может быть, позже, скорее, но в этот момент, я думаю, давление достичь максимума для того, чтобы следующее поколение российских лидеров хорошо понимало, какие проблемы его ждут. И это будет момент истины для России и, наверное, это будет означать тот или иной исход для гибридной войны. Российская цель, как мне представляется, не столько победить, сколько выстоять, отстоять свой статус. А Соединённые Штаты — они, в принципе, говорят об этом вполне открыто — заставить Россию в корне изменить свою внешнюю политику.

И здесь парадокс в ходе этой гибридной войны состоит в том, что Россия стремится ограничить роль Соединённых Штатов в мире в тот момент, когда Соединённые Штаты тоже идут по этому пути. И это довольно интересный момент.

Поле боя. Поле боя — здесь понятно: информация, кибер, финансы и так далее. Географического плана — это Украина, понятно, Сирия, шире — Ближний и Средний Восток. Многие в Соединённых Штатах говорят о России как о глобальной угрозе от Арктики до Южной Африки, видят Россию таким глобальным подрывником либерально-демократического порядка, что, наверно, довольно лестно для российских деятелей, но, на мой взгляд, это пока что некоторое преувеличение. В России говорят интересным образом... есть ещё один парадокс. В России говорят о наиболее серьёзных проблемах, с которыми сталкивается страна: расширение НАТО, американская система противоракетной обороны, отказ Соединённых Штатов предоставить России статус великой державы. И парадокс заключается в том, что эти цели достигнуты. Расширение НАТО остановилось де-факто и не сдвинется в результате двух войн — грузинской и украинской. Представить себе дальнейшее расширение НАТО я, например, не могу. Я имею в виду, в эту сторону. Там, конечно, есть что-то на Балканах, но это не имеет прямого отношения к Российской Федерации. Статус — ну куда дальше? Последние руководящие документы Соединённых Штатов ставят Россию на одну позицию с Китаем в ряду противников Соединённых Штатов Америки. Это высокая оценка, я бы сказал, российского потенциала. И противоракетная оборона. Мне, например, президент Путин очень доходчиво объяснил на прошлой неделе, почему противоракетная оборона перестала быть серьёзной угрозой для России. То есть мы можем поставить, наверное, галочку и решить, что эти вопросы, по крайней мере, на данном этапе не представляют такой угрозы, как казалось или, по крайней мере, как говорилось раньше. И парадокс, что Россия, в принципе, могла бы уже сейчас праздновать победу. Всё то, что ей было нужно, — она этого добилась. Хотя цена этой победы, конечно, очень высока.

В условиях этой гибридной войны насколько велика опасность горячей войны? Я бы не преувеличивал эту опасность, но история учит никогда не поддаваться самоуспокоенности. Мы знаем, как на протяжении последних 100 с небольшим лет очень опытные и очень продвинутые элиты великих государств оказались неспособными уберечься от катастрофы, которая с позиции сегодняшнего дня кажется очевидной. Так что ни вторжение России в Прибалтику, ни захват Польши, — конечно, это всё чистая фантазия. Точно так же, как я уже сказал, расширение НАТО и строительство противоракетной обороны не создают смертельную угрозу для России. Но всегда есть опасность эскалации инцидентов, неправильной оценки и так далее.

Сколько всё это может продолжаться? Я поразмышлял. Исходя из того, что Россия для Соединённых Штатов перестала быть внешнеполитическим фактором, а превратилась во внутривнутриполитическую проблему, я бы даже сказал во внутривнутриполитическую дубинку в руках тех, кто хочет выгнать 45-го президента из его нынешней резиденции. Исходя из этого понимания, только из этого понимания, эта ситуация может продолжаться либо до 2020 года, либо до 2024 года, возможные пределы пребывания Дональда Трампа в Белом доме. Но что-то говорит мне, что даже в случае ухода Дональда Трампа с поста президента следующий президент вряд ли изменит политику в отношении России. По крайней мере, несколько следующих лет наверняка будет продолжаться не просто инерция, а будет уже демократический ответ, если это будет демократическая партия. Демократический ответ на украденную победу, на прочие российские вмешательства и так далее. Так что мы можем говорить и о 2024 году, и о 2028 году. Моё следующее размышление: мы можем говорить о том, что для Соединённых Штатов фигура президента Путина совершенно неприемлема в качестве партнёра для каких-либо переговоров, потому что переговоры сегодня могут идти, в принципе, не о компромиссе, а о сдаче. Вряд ли президент Путин подходит на такую роль. До 2024 года минимум, а скорее и позже. Если же говорить обо всём возможном сроке пребывания Путина не в Кремле, а у власти, то это всё может уйти в 30-е годы. Вот моя такая политическая арифметика приводит меня к следующему результату: от 5 до 15 лет всё это может продолжаться, причём 15 — гораздо более реалистичный срок, чем 5. С большой, конечно, звёздочкой. Здесь никто не может предсказать ничего, поэтому как будет развиваться — мы сказать не можем.

Чем это всё может закончиться? Может быть вариант, при котором следующий Президент России будет вынужден пойти на фундаментальные принципиальные уступки Соединённым Штатам Америки и фактически признать поражение России в этой гибридной войне. Может быть такой вариант? Может. Насколько вероятен? Думаю, не очень. Думаю, что такой выход из гибридной войны вряд ли поддержит российская элита и российское общество. Поражение Америки вследствие нарастания каких-то внутренних противоречий, кризиса политической системы, острого внешнеполитического кризиса — в принципе, возможно, но тоже, наверное, не очень. У меня нет однозначного ответа на этот вопрос. Но есть некоторая возможность для того, что в результате изменения внутривнутриполитических условий, в результате осознания того, что каждая из сторон, в принципе, достигла своих основных целей, что Россия достигла своих целей, а для Соединённых Штатов Россия не представляет той смертельной угрозы, которую некоторые сейчас рисуют. Может измениться внешнеполитическая ситуация, которая заставит каждую из сторон заново посмотреть на весь мировой расклад. Конечно, произойдёт смена и первых лиц, и вторых, и третьих в какой-то перспективе, и это может привести к какому-то компромиссу. К этому может подвигнуть и международный кризис. Так что я бы сказал, что есть три возможности, и для меня они примерно одинаковы: поражение России, умеренное отношение со стороны Америки к России вследствие переоценки и какой-то компромисс между двумя странами. У меня нет предпочтения ни к одному из этих вариантов. Перспектива слишком длительная, чтобы можно было об этом говорить.

И последние несколько минут я потрачу на то, чтобы сказать следующее: отношения с Соединёнными Штатами остаются, на мой взгляд, замороженными, и, вообще говоря, вся повестка дня сузилась до одного пункта — это предотвращение войны. Но это серьёзно. И к нему будут относиться серьёзно не потому, что война вот-вот наступит, но просто потому, что создалась ситуация, в которой и ошибки, и инциденты, и многое другое имеет совершенно другую цену, чем это было в спокойный период. Отношения с Европой,

конечно, очень разные у России, в зависимости от стран, но близость и даже и общность позиций гораздо больше, чем с Соединёнными Штатами, поэтому основа для строительства вот этого архипелага, о котором я говорил, существует.

Я не думаю, что цель России должна заключаться в том, чтобы в обозримом будущем Европа смягчила или отказалась от санкций. Я думаю, что этого не произойдёт по ряду причин. Вопрос о санкциях – это не столько вопрос о России, это вопрос единства Европы и вопрос прочности трансатлантических отношений. Я думаю, что и то, и другое имеет прецедент перед отношениями с Россией. И то, и другое важнее, чем отношения с Россией.

И второй момент – для того, чтобы Европа смягчила или сняла санкции, необходимо урегулирование на Украине. Я не вижу перспектив урегулирования на Украине в обозримом будущем. Я вижу перспективы прекращения того бессмысленного кровопролития, которое происходит уже несколько лет вдоль линии соприкосновения, но решения... не вижу. Украину не обойти, и Украину не решить в отношениях России и Европы. Но что-то нужно делать. Можно частично обезвредить эту проблему. Её нельзя взять за скобки, это не Грузия, но как-то обезвредить можно. И конечно, санкции снять нельзя, но можно добиваться того, чтобы они означали ровно то, что они означают. Иными словами, чтобы под санкциями были конкретные люди, конкретные предприятия, конкретные сферы, но при этом под санкциями не была бы... Россия сама по себе, чтобы она не была токсичной, какой она сегодня является в Соединённых Штатах, и во многих других странах, которые имеют тесные отношения с Соединёнными Штатами. Вы хотите иметь дело с Россией? Вам, возможно, придётся иметь дело с Соединёнными Штатами. Смельчаков не так много в мире бизнеса.

Есть и возможности для российско-европейского сотрудничества, гораздо более широкие, чем сотрудничество с Соединёнными Штатами: и в Сирии, и в Ливии, и по Ирану. Вопрос по НАТО — я уже говорил о том, что проблема расширения НАТО, на мой взгляд, решена историей. Парадокс заключается в том, что вопрос решён, но документально он никак не может быть закреплён. В принципе не может быть закреплён. Россия стремится к тому, что она получить в принципе не может. И из этого нужно как-то выходить самой России. То есть ни НАТО не может предоставить грамоту о том, что Украина никогда, ни при каких обстоятельствах..., ни Украина не может предоставить.... Даже если предоставит, ей не поверят и правильно сделают. Но попытка, благодаря наличию определённых статей в Конституции Украины, выстроить такой внутренний барьер на пути даже заявки членства в НАТО в виде особых прав регионов – я думаю, что этого тоже не произойдёт, потому что, на мой взгляд, урегулирование через 4 года после начала конфликта, в принципе, уже перестало быть возможным. Реинтеграция потребует, наверно, какой-то катастрофы.

И самое последнее, наверно, – это то, что у России также нет оснований удерживать какие-то страны от установления более близких отношений с Европейским Союзом. Украинский кризис во многом вырос из этого. Но если какие-то российские партнёры хотят сближаться с Европой, то ради бога. При этом, конечно, Россия защищает свои интересы, но и только. Я думаю, что многие из наших партнёров, в принципе, гораздо больше получают от России, чем мы от этих партнёров. Если говорить об Украине, то единственная хорошая вещь для России, на мой взгляд, которая произошла после украинского кризиса, – это то, что Украина перестала быть головной болью для России в экономическом плане. Эта боль стала внешнеполитической, военной, но Россия уже не обязана поддерживать Украину, как она поддерживала в течение длительного времени. И

вообще зоны влияния, сферы влияния – это тормоз национального развития. Это очень интересные конструкции. Для XX века они были полезны с точки зрения геостратегии; сейчас, при нынешних видах, способах и средствах вооружённой борьбы...

И самое последнее: прежняя основа российско-европейских отношений, европеизация, вестернизация и приближение России к Европе, складывание большой Европы на основе стремления России тоже стать Европой, на мой взгляд, разрушена и, вряд ли возродится в обозримом будущем. Я надеюсь, что России предстоит скорее в долгосрочной перспективе, чем в среднесрочной, модернизация... Много

чего будет происходить в России, но вестернизация вплоть до интеграции, наверное, вряд ли будет у нас в будущем. Есть что-то общее у России и Европы, что-то близкое, а есть что-то различающееся. И вот взаимное признание этих различий, взаимное уважение различий... Иными словами, критерием улучшения отношений будет не то, насколько близко Россия приблизится к Европе, а то, насколько уважительно Европа и Россия будут относиться друг к другу. С каким пониманием обе стороны будут относиться друг к другу, признавать те различия, которые есть, и радоваться общности, которая тоже есть, в условиях тесного экономического, научно-технического и культурного сотрудничества, политического взаимодействия на основе общих интересов там, где они есть. Но надо иметь в виду, что для российско-европейских отношений существуют два вполне конкретных и труднопреодолимых предела. Один называется – солидарность Европейского Союза, то есть когда мы говорим о Европе, мы должны мечтать не только о Германии, Франции и Италии, мы должны иметь в виду Литву, Эстонию, Польшу, Латвию и другие страны. Это ограничивает, с одной стороны. А с другой стороны, это лидерство Соединённых Штатов в союзе НАТО, которое тоже будет жёстко ограничивать возможности сближения американских союзников с американскими противниками.

Вот на этом я бы почти остановился. И скажу самое последнее, что европейская безопасность в обозримой перспективе, может быть даже уже чуть-чуть за обозримой перспективой, на мой взгляд, перестанет существовать как самостоятельная тема для таких аналитических докладов и будет лишь частью безопасности в Большой Евразии. Поскольку я вижу стягивание огромного континента, всё большее сближение его многочисленных платформ, которые существуют. И в будущем я вижу безопасность Евразии, большой Евразии, в которую входит Европа, в которую входит Азия, в которую входит Россия, как всё более интегрированное целое. И там будут уже другие игроки, в том числе, игроки более крупные, чем Россия. Спасибо.

Габуев. Спасибо большое, Дмитрий Витальевич. У меня к Вам будет всего пара вопросов перед тем, как я дам возможность задать вопросы аудитории. Вы отчасти этого коснулись, но смотрите, почти половина Вашего выступления была посвящена отношениям с США, хотя Вы изначально сказали, что о США говорить невозможно. В российском руководстве есть разный, градуированный подход к вопросу, насколько Европа самостоятельна. Есть люди, которые считают, что это такие детские куколочки, в которых есть рука кукловода, они открывают рот, Меркель что-то говорит, но на самом деле мы все понимаем, что тексты для этих выступлений пишут где-то в недрах Госдепартамента США, например. Есть более градуированный подход, который понимает важность трансатлантического пространства и так далее. Насколько в данном случае Европа может быть каким-то самостоятельным игроком, и какие конкретно центры в Европе должна Россия задействовать для того, чтобы с Европой общаться, оставляя за скобками российско-американскую конфронтацию? Возможно ли это вообще?

Тренин. Я думаю, что это возможно, это необходимо. Я думаю, что это происходит. Я думаю, что надо просто понимать, по каким вопросам Европа... как Вы правильно сказали, какова степень самостоятельности в различных сферах. Если мы говорим о Северном потоке 2, то здесь уже о Европе как о едином целом говорить нельзя, потому что есть разные соперничающие силы. Соединённые Штаты играют на стороне одной из этих соперничающих сил. Но есть шанс, вполне реальный, на мой взгляд, шанс свои интересы совместно с интересами некоторых европейских стран всё-таки отстоять. По вопросу, предположим, противоракетной обороны, я думаю, что Европа выступает в основном как площадка для размещения тех или иных американских систем, и здесь с Европой говорить на эту тему бессмысленно. Что говорить с Румынией о том, что может находиться в пусковых установках американских ракет? Румыны туда доступа не имеют и иметь не будут. Так что здесь просто нужно, на мой взгляд, очень чётко понимать вот эти вещи.

Второе: сама Европа очень не едина. И здесь такой очень деликатный вопрос, на который нет ответа, на мой взгляд, по крайней мере простого ответа. Европейцы часто публично обвиняют Россию в том, что она работает на разрыв Европы, на подрыв единства Европы и так далее. Вообще говоря, в этом нет ничего необычного. В принципе, все так действуют. Если у вас есть какое-то сообщество, связанное теми или иными отношениями, а какой-то внешний игрок хотел бы от этого сообщества что-то получить, он будет работать на различие отношений всегда. Скажем, ребёнок, который хочет что-то получить от родителей, будет работать с папой и с мамой или с бабушкой и дедушкой и в конце концов... Это нормально, в этом ничего нет, этим занимаются все. Этим занимается Китай, этим занимаются Соединённые Штаты. Про Китай и про Россию говорят, про Соединённые Штаты не говорят, но Соединённые Штаты действуют наиболее эффективно в этой сфере. Европейцы про себя, конечно, тоже не забывают. Поэтому нужно лучше понимать Европу, лучше знать Европу, выстраивать какую-то, на мой взгляд, стратегию в отношении Европы – по крайней мере, я не вижу... Или должна быть, наверное, не одна, а много стратегий, потому что мы говорим Европа – что мы имеем в виду? Европейский Союз. Хорошо, Европейский Союз – это вот это, это, но только это. Дальше идут, скажем, страны-члены или там идёт еврозона... Но это сложно. Страны-члены... И здесь с разными странами могут быть разные взаимоотношения. Есть союзы, в которые Европа входит в качестве, скажем так, не единого, ну и введомого члена – это НАТО. Что такое НАТО? Соединённые Штаты и Европа. Это тоже организация, с которой приходится иметь дело. Поэтому не нужно обольщаться насчёт Европы, не нужно обольщаться, что победила какая-то партия, лидеры которой говорили хорошие вещи о России или о необходимости снятия санкций, и эта партия изменит курс той или иной страны, придя к власти. Этого не случится. Но работать и менять европейское общественное мнение, конечно, нужно.

Здесь опять-таки существует деликатный момент. В Европе и в Северной Америке, в Соединённых Штатах во всяком случае, происходят очень важные внутривнутриполитические процессы, в результате которых разрушена прежняя монополия политической системы на политическую власть: будь то двух партий в Соединённых Штатах, будь то тех партий, которые существовали во Франции либо в Италии; в Германии происходят очень важные в этом смысле изменения. Россия здесь пытается, на мой взгляд, довольно прямолинейно делать ставку на несистемные силы. В этом нет, в принципе, ничего плохого, но плохо то, что это делается, на мой взгляд, без стратегии, без понимания того, что, собственно говоря, мы можем сделать такого с партией «А», которая вроде бы к нам благоволит, понимая, что партия «А» останется всё-таки вне системы. А если она войдёт в систему, то через некоторое время она тоже станет системной партией, потому что существуют

гораздо более мощные факторы, которые всё-таки работают на соединение хотя бы ради самосохранения этих обществ и государств. Поэтому Европа в чём-то самостоятельна, прежде всего в экономике, в чём-то несамостоятельна – это стратегические, военно-стратегические большие внешнеполитические аспекты. Но Европа для нас прежде всего важна как экономический партнёр. Мы очень много потеряли в том числе с такой страной, как Китай, что мы не можем опереться на Европу, что мы не можем устроить конкуренцию своих друзей-партнёров, мы вынуждены работать больше с кем-то одним, вместо того, чтобы... Вот примерно так. Извините, что я долго. Я буду потом кратко отвечать.

Габуев. Спасибо большое. Вы также ответили на мой второй вопрос... Если представить себе некоего модельного европейца, допустим, участника Мюнхенской конференции... Они говорят: «Давайте базово определимся, по базовым вопросам, потом будем говорить о линии деэскалации в Донбассе и о том, должны ли быть миротворцы на границе Украины и России или только в двух контрольно-пропускных пунктах». Вот скажите, Вам интересна сильная единая Европа или нет? Россия готова этой цели способствовать или не делать вещи, которые Европу ещё более дробят?

Тренин. Ответ на этот вопрос простой. Я, кстати говоря, дал его тоже на Мюнхенской конференции. Там было одно маленькое мероприятие в кулуарах. Я думаю, что российская позиция, как я её понимаю, такова: да, Россия заинтересована в сильной и суверенной Европе. Я сделал упор на слово «суверенной» и спросил аудиторию, понимают ли они, что я имею в виду, и стоит ли мне расшифровывать понятие «суверенитет». Они сказали: «Всё понятно». Но такая суверенная Европа – это следующий момент с точки зрения российских интересов – такая суверенная Европа, с точки зрения России, должна всё-таки действовать не по принципу, что отношения с Россией будут такими, какими их позволит наиболее русоскептическое государство Евросоюза. Это, я думаю, неправильно.

Габуев. ОК. Последний вопрос. Вы говорите и в бумаге, и в сегодняшнем выступлении об архипелаге сотрудничества. И логика здесь понятна. Если мы будем фокусироваться исключительно на предотвращении плохих сценариев, всё равно отношения будут, скорее всего, ухудшаться, то есть нам нужны какие-то области, где всё равно есть некая позитивная динамика, и она всё за собой немножко подтаскивает. Что Вам видится помимо деэскалации на Украине? Какие конкретные проекты мы могли бы делать совместно с европейцами? У Вас упоминается восстановление Сирии, какие-то вот эти вещи. И второй подвопрос: есть ли что-то такое, на Ваш взгляд, что могло бы служить подобным архипелагом или маленьким островком, на котором есть один Робинзон Крузо и один Пятница, в отношении США?

Тренин. Вы назвали Сирию. Я бы начал, может быть, с более лёгкого. Вернее, что значит начал бы... Всё уже происходит сейчас, поэтому надо работать по всему фронту. Есть страна Ливия, где... Вообще я, слушая на Мюнхенской конференции выступления европейских лидеров, пришёл к выводу о том, что наиболее серьёзные... мы говорим пока о безопасности... очень много можно делать в культуре, очень много можно делать в экономике. Я здесь не специалист и вопрос энергетики я оставляю в стороне. Я говорю только о безопасности. Мой вывод по выступлениям европейских министров на Мюнхенской конференции сводится к следующему: главные проблемы безопасности в Европе – это миграция, это конфликты на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке, это терроризм, который тоже связан с этими конфликтами. И на четвёртом месте – наверно, Украина. Вот примерно такая картинка у меня сложилась. Тут могут ещё

некоторые вещи появиться. Может быть гонка вооружений в Европе, может быть военное противостояние, которое, по-моему, сейчас скорее символическое, чем реальное у нас вдоль границы России и НАТО. Но вот по Ливии, наверно, можно было бы привести ситуацию к какому-то решению. Россия и Италия работают над этим довольно активно. Франция тоже находится где-то, но может быть, с Францией немножко сложно. Но с Италией идёт работа. По Сирии – здесь тяжело, потому что моё мнение такое, что Соединённые Штаты, на мой взгляд, приняли решение не допустить российского дипломатического успеха после военной победы, что, на мой взгляд, совершенно логично укладывается в логику гибридной войны. Соединённые Штаты рассматривают Россию как противника, допустить российской дипломатической победы после военной в Сирии... Если вы всерьёз играете, вы будете стремиться этого не допустить. Поэтому я думаю, что то, что мы видим сейчас – это результат, с одной стороны, вот этой тенденции, с другой стороны, того, что некоторые российские союзники в принципе не заинтересованы в урегулировании. Это Ассад не заинтересован, никак не заинтересован в урегулировании, в том, чтобы делить власть; Иран никак не заинтересован в том, чтобы его исключили из Сирии. России удавались какие-то вещи, это будет сложно делать дальше, но у России и Европы всё-таки есть какие-то точки соприкосновения, они могут быть расширены. Россия и Европа гораздо ближе по Ирану, чем Европа и Соединённые Штаты. И это тоже серьёзная вещь. Россия и Европа гораздо ближе друг к другу, например, по такому вопросу, как статус Иерусалима, чем Европа и Соединённые Штаты. Поэтому тут есть... Квартет, конечно, сейчас не действует, но, тем не менее, и по ближневосточному квартету у России и Европы много возможностей.

Восстановление – да, я думаю, что восстановление Сирии, Ливии и других стран тоже может стать совместным проектом, в котором не только Россия и Европа, но и другие страны, и арабские страны, и Китай, и многие другие могут участвовать. Главное, что у России и Европы нет конфликта. Отношения сложные, есть большое разочарование друг другом, есть претензии друг к другу, но нет конфликта. С Америкой конфликт серьёзный, фундаментальный, и он так быстро не разрешится, к нему нужно относиться, на мой взгляд, с уважением к этой ситуации. Это не просто. Это не из-за того, что Барак Хуссейнович поссорился с Владимиром Владимировичем, совершенно не поэтому. Это фундаментальные, реальные проблемы, с ними надо как-то будет разбираться при всём уважении к Соединённым Штатам Америки как к ведущей державе современности. Но это конфликт реальный. А с Европой конфликта нет. Поэтому архипелаг Соединённым Штатам выстраивать будет очень трудно, главным образом потому, что для Соединённых Штатов всё-таки компромисс с Россией — это компромисс с совестью. Тут моральный момент — нельзя. Можно было с генеральным секретарём Брежневым, можно было с Иосифом Сталиным общаться в Ялте, в Тегеране, в Потсдаме, а с Путиным уже совсем другая история. Я не имею в виду непосредственно Трампа, я имею в виду американскую политическую элиту, которая так или иначе должна будет ратифицировать любое соглашение. Поэтому я не думаю, что здесь может быть какой-то архипелаг. Хотя российские и американские интересы совершенно не везде (это отличие от холодной войны) противостоят друг другу. В некоторых областях они довольно близко сходятся, в некоторых областях может быть сотрудничество, по некоторым областям у нас есть, в принципе, общее понимание, но насколько разные стратегии, что мы сталкивались, например, по Северной Корее. В принципе, ни России, ни Америке северокорейская бомба особенно не нужна, но тактики у нас очень разные или стратегии у нас очень разные. Поэтому архипелаг – нет.

Я бы скорее выстраивал разные сетки, чтобы мы не провалились слишком глубоко. Как называется... «сетка безопасности», это я бы выстраивал сейчас. Я бы добивался того,

чтобы в Америке и в России хорошо знали, что замыслила и как собирается действовать другая сторона. Вот почему, на мой взгляд, очень важен был недавний, совершенно не рекламировавшийся визит трёх начальников разведки Российской Федерации в Соединённые Штаты. Причём в отличие от начала 90-х годов, когда такие визиты были символом доверия, сейчас это показатель полного и абсолютно недоверия друг к другу. И в ситуации тотального недоверия необходимо, чтобы те люди, которые в конце концов ориентируют главу государства – верховного главнокомандующего в отношении важнейших, судьбоносных, без всякого преувеличения, проблем, чтобы эти люди чётко знали ситуацию, чтобы они не питались какими-то представлениями фантастического порядка, что было на самом деле у советского и у американского руководства на рубеже 70–80-х годов, когда мы очень близко подошли к очень опасной черте — 83-й, 84-й год, когда здесь, в России, ждали первого американского ядерного удара. И считали, сколько окон в Пентагоне... где окна светятся ночью. Это была очень стрёмная ситуация (прошу прощения за такое слово). Вот чтобы этого не было, нужно, чтобы начальники друг друга знали, обращались друг к другу по имени и понимали, насколько искренен или насколько лжив их визави может быть в разных ситуациях, чтобы при необходимости поднять трубку и что-то уточнить. Вот где мы находимся. Я думаю, что мы должны просто понимать это и делать максимум того, что мы можем. А архипелаг сотрудничества пока с Соединёнными Штатами... Не разрушить бы то, что есть.

Я очень опасаясь того, что мы в ближайшие 3 года можем оказаться в ситуации впервые за 60 лет, когда у нас будет нерегулируемое развитие стратегических вооружений, когда у нас в будущем году может упасть договор РСМД, а через 2 года после этого не будет продлён договор СНВ-3. Вот эта ситуация вполне реальная, и об этом нужно думать. Мы все с вами видели или имели возможность видеть вот эти клипы Владимира Владимировича Путина, и мы понимаем, как довольно быстро развивается современная технология и она ничем не регулируется. Мы должны понимать, насколько это сложная и потенциально опасная ситуация.

Габуев. Спасибо большое. Теперь есть возможность задать вопросы у присутствующих в зале. Я прошу представляться.

Васильев. Добрый день! Виктор Васильев, «Голос Америки». Возвращаясь к речи Путина в ходе Послания Федеральному собранию, которую Вы упомянули. Многими она воспринимается, на Западе в частности, как, выражаясь в привычной российской терминологии, принуждение к миру. На Ваш взгляд, насколько реально заставить коллективный Запад, США насильно усадить за стол переговоров? Насколько такой подход перспективен и дальновиден? И как Вы в целом, опять же комментируя эту речь, насколько она программная и что она означает в контексте европейской безопасности? То есть она способствует ей, как пытался утверждать косвенно Владимир Путин, или нет? Спасибо.

Тренин. Короткий ответ на Ваш вопрос: принуждение к миру в нынешних условиях... Если под миром понимать компромиссную договорённость... Мир-то у нас есть, и я надеюсь, что он будет. И принуждать, в принципе, никого не нужно, потому что все понимают, что мы ходим под ядерной бомбой, и никто, в принципе... в большинстве своём люди не хотят умирать и не хотят, чтобы умерло человечество. Поэтому принуждение к миру... если это принуждение к переговорам, то я думаю, что... Я бы ответил однозначно «нет». Длинный ответ, по-моему, Вы держите в руке – это моё короткое, на две странички... короткие соображения, навеянные выступлением Президента. Так что думаю, что нет. Насколько это программа? Не думаю, что это

программа. Это предвыборная речь. И это речь, навеянная тремя последними документами, особенно обзором ядерной политики Соединённых Штатов, а до этого военная стратегия и стратегия национальной безопасности. Если угодно, это ответ на эти американские выпады, иллюстрированный ответ. Европейская безопасность – я надеюсь, что она не будет затронута этим выступлением. Потому что ну что такое выступление? Это какое-то количество слов. Путин не выдвинул никаких новых инициатив, он не высказал никаких угроз. Он просто рассказал, что делается. Те, кто на Западе отслеживает российскую военную мощь, знают, что делается. Поэтому ничего нового, в принципе, здесь для тех людей, которые советуют людям, принимающим решения, не было. Если бы он сказал: «Мы размещаем такие-то, такие-то системы вооружения в таких-то, таких-то западных областях Российской Федерации», – да, я думаю, это оказало бы влияние на европейскую безопасность. Ничего подобного не было. Так что это, на мой взгляд, политическая речь, имеющая внутреннего и внешнего адресата, порождённая теми причинами, о которых я сказал, и имеющая те перспективы, о которых мы тоже с вами поговорили.

Реплика. *Неразборчиво**

Тренин. Я говорил об этом в своём докладе, что у России очень небольшой набор инструментов, а у американцев огромный ящик. Если бы Россия могла бить рублём, она была бы рублём, а рублём не получается, поэтому есть другие...

Есеничник. Добрый день! Меня зовут Власта Есеничник, телевидение Словении. Вы очень много говорили об отношениях между США и Россией. Скоро выборы здесь, осталось меньше двух недель. В последние дни мы слышим такие заявления, что США пытаются вмешиваться в эти выборы. Насколько обвинения высоких политиков России, доклад Совета Федерации о том, что действительно как будто США пытаются повлиять и вмешиваться в президентские выборы, – насколько эти обвинения Москвы серьёзные?

Тренин. Я, говоря о гибридной войне, сказал, что её важнейшей составляющей является информационная война. Информационная война проходит в условиях отсутствия барьеров. Ни Берлинских стен, ни железных занавесов и так далее. Я считаю перекрёстное вмешательство всех в дела всех нормальным явлением в современной международной политической жизни. Другое дело, насколько это влияние может быть решающим. На мой взгляд, оно нигде до сих пор не было решающим. Ни российское вмешательство в Соединённых Штатах, которое, на мой взгляд, было примерно равнозначно капле воды в океане; ни американское вмешательство, которое, на мой взгляд, не окажет абсолютно никакого воздействия на результаты выборов; ни многие другие случаи так называемого вмешательства с той или с другой стороны. Поэтому я отношусь к этому спокойно. Вмешиваются, но, что называется, на то и щука, чтоб карась не дремал. Вот такие вещи.

Есеничник. Значит, это практически как раз заявление для российского общества?

Тренин. В России есть такой комплекс – нужно обязательно давать сдачи. Нужно обязательно американцам платить той же самой монетой, не пропускать удары. Вот они говорят, что мы вмешиваемся в их выборы, а мы должны доказать, что они вмешиваются в наши выборы. Ну доказали. Ну и что? Или не доказали.

Трояновский. Антон Трояновский, «Вашингтон пост», вопрос к той же теме. Даже если это вмешательство не имело никакого влияния, но оно явно очень влияет на то, как сейчас в Америке воспринимается Россия. Так что вот в контексте будущего этой

гибридной войны как, с Вашей точки зрения, может российское руководство сейчас как-то разрядить, если не решить эту проблему, которая произошла из-за якобы этого вмешательства в американские выборы?

Тренин. Я не знаю, Антон, честно говоря, может ли она разрядить. Потому что ведь мы живём в как это называется... hall of smoke and mirrors. У нас везде зеркала, у нас отовсюду идёт дым. Мы не очень понимаем, когда мы видим изображение в зеркале – это изображение или изображение изображения или изображение изображения изображения. Мы не всегда понимаем, есть ли огонь за дымом. То есть мы живём в очень интересной среде. И неизвестно, чего стоят те или иные обвинения российские или не российские в вмешательстве в выборы. Потому что сами по себе обвинения рассматриваются уже как квази-доказательства, потому что доказательств никто представить не может или не хочет, или мало можно представить доказательств, или доказательства могут быть оспорены. То есть мы живём в совершенно ином по сравнению ещё с недавним прошлым мире. Поэтому я не думаю, что Россия может что-то сделать.

Я считаю, что, в принципе, игра на выборах — вещь не продуктивная, а скорее контрпродуктивная, потому что вы не можете достичь результата, но ваша попытка сделать... А сейчас уже неважно, пытаетесь вы или нет, вам могут приписать что угодно. Ваша попытка сама по себе работает против вас. Поэтому здесь, по-моему, обе стороны очень сильно заблуждаются. Одна сторона заблуждается в том, что можно при помощи вмешательства на что-то повлиять (на мой взгляд, невозможно), а другая сторона говорит, что причина того, что люди голосуют не так, как ожидается, или не так, как хочется — это внешнее вмешательство, что тоже, на мой взгляд, является самообманом. Потому что проблема не в том, что кто-то когда-то посмотрел Sputnik или RT, проблема в том, что элита разъехалась с частью общества. Не с большинством, может быть, но со значительной частью общества. И в итоге, как я уже говорил, та система, которая от права до лева, включая центр, господствовала на политическом поле всех европейских государств и Соединённых Штатов (практически на 95 %, там где-то были какие-то маргиналы, где-то 5 %, где-то полпроцента, какая-нибудь сотая процента членов Коммунистической партии Соединённых Штатов и так далее, вот были такие маргиналы), а сейчас очень сильно сузилась вот эта системная часть. Это факт, очень серьёзный факт, но приписывать этот факт влиянию Sputnik или RT – на мой взгляд, это самообман. Точно так же, как приписывать цветные революции на Украине или где-то ещё исключительно или главным образом действиям Соединённых Штатов Америки или западных стран в целом – это тоже самообман. Проблема не в этом. Проблема в другом. Далеко уедем в обсуждении этих проблем. Вот, пожалуй, я бы так ответил. Но вмешиваться, по-моему, совершенно бессмысленно во что-то. Другое дело – вести информационную войну. Информационная война — это главный фронт. Тут ничего не поделаешь с этим, нравится, не нравится.

Ферт-Малка. Здравствуйте! Моргана Ферт-Малка, политолог. Мне интересны внутренние факторы внешней политики, то есть не экономика и общественное мнение, а про влияние того или иного помощника, советника президента или влияние всяких групп интересов. На Ваш взгляд, важно учитывать эти факторы или можно просто рассматривать эти вопросы, о которых Вы говорили, с точки зрения международных стратегических механизмов?

Тренин. Честно говоря, для меня государства как таковые не существуют. Для меня существует группа людей, которая организована в государства, в партии, в правительства, в какие-то комитеты по совету кому-то, группы советников, группы спичрайтеров и так

далее. Поэтому, конечно, люди, безусловно. Я считаю, что речь Путина — это речь Путина. Я считаю, что у него есть внутренняя потребность постоянно что-то доказывать Америке, и, по-моему, он никогда не удовлетворится, и поэтому он ещё раз стремится это сделать. Другой бы человек, предположим, на его месте был бы, возможно, более спокоен. Как, скажем, государь Александр Александрович, Александр III, тоже апокрифический образ. Сидел государь, рыбку удил у себя в пруду, там европейские послы его ждут, ну пусть подождут, потому что у русского государя более важные дела. Сознание своего величия. Не надо никому доказывать. Царю не нужно было доказывать, что он великий государь. Это было ясно. Не нужно было доказывать после Петра I. Не нужно было доказывать, что Россия — великая держава. А другим достаётся страна в другом состоянии, и нужно доказать, а жизнь борьба, и нужно что-то доказать, и не доказывается. Я считаю, что речь, как и Мюнхенская речь — очень личная вещь. Путин — человек, который начал свою политическую карьеру более открыто в отношении Запада, более прозападным лидером, чем кто-либо из Российской Федерации, более чем Ельцин, безусловно. Он хотел, у него не получилось. Это для него личная драма среди многих других. И он пытается... это моё... Может быть, если бы здесь сидел Владимир Владимирович Путин, он сказал бы, что всё это ерунда, поэтому я больше говорить не буду. Поэтому моё впечатление о нём — это то, что он стремится всё время доказать: «Вот мы меня не слушали. Послушайте сейчас». Вот такие вещи. Конечно, люди. Только люди, мужчины и женщины.

Шакиров. Олег Шакиров, ЦСР. Дмитрий Витальевич, спасибо. Позвольте оттолкнуться от Вашего комментария. Вы сказали, что России интересна Европа сильная и суверенная, и желательно, чтобы такая Европа, её политика не определялась государствами, которые настроены к России скептически. На Ваш взгляд, есть ли какие-то возможности в политике России по отношению к таким странам? Назовём пять стран — это Прибалтика, Польша и Румыния. Можем ли мы делать что-то иначе именно в отношении этих стран, чтобы у нас отношения были более спокойными и они внутри Европейского Союза не требовали каких-то более радикальных решений в отношении России?

Тренин. Дело в том, что они очень разные, эти страны. У каждой из этих стран, наверно, должна быть своя политика, должен быть удачный момент. У России была, вы знаете, ещё несколько лет назад такая очень серьёзная попытка исторического примирения с Польшей, и большие ресурсы были вложены в это. Президент Путин лично занимался, гуляя с Туском по Гданьскому пирсу и приглашая Туска в Катынь, и там, где он становился на колени перед польским памятником в Катыни, и визит патриарха в 2011 году на излёте уже этого короткого периода улучшения отношений, который два года продолжался. Я думаю, когда-то нам придётся идти в этом направлении опять. Сейчас, наверно, это невозможно по ряду причин, но когда-то... Польша — это наш сосед, она никуда не уедет, и мы никуда не уедем, нам придётся с ними... Это страна, где элита до сих пор говорит лучше по-русски, чем в любой другой стране Центральной и Восточной Европы. Сейчас, наверно, это тоже изменится, но до последнего времени именно Польша, наиболее антироссийская страна, имела самое большое количество людей в элите, которые говорили хорошо по-русски, ценили русскую культуру, мы могли с ними петь песни Окуджавы, и это при том, что они антисоветчики, антикоммунисты. Но вот это — это очень глубокие отношения.

Страны Балтии — по-другому. Страны Балтии, наверно, страдают от недостатка российского интереса к ним, потому что Россия их решила наказать невниманием, то есть вообще невниманием. Мы вас и бить не будем, но просто будем действовать так, как будто вас нет. Это довольно неприятно. Когда последний раз министр Лавров был в

Вильнюсе, Риге или Таллине? А Президент России не был ни разу. Борис Николаевич Ельцин в 1991 году совершил поездку, но это была всё-таки ещё не суверенная Россия, Российская Федерация. Суверенной Россией тогда назывался Советский Союз. Так что, наверное, с некоторыми из этих стран можно начинать... В конце концов, нет маленьких людей. Есть маленькие страны, большие страны, но там живут такие же люди, как и в России, там столько же роста, столько же килограмм. Они же не то что все крохотные. Я думаю, что должно быть немножечко больше даже не политического общения, а культурного и прочего общения. Я думаю, что это может чуть-чуть подготовить... немножечко изменить климат, чуть-чуть, на полградуса, может быть. Я думаю, что с некоторыми странами Балтии, может быть, не с теми, где у руля находятся очень активные антироссийские... борцы с российской агрессией, там есть и другие, вполне спокойные люди, со спокойной риторикой, — наверное, есть смысл с ними о чём-то говорить. Есть много экономических, транспортных, каких-то ещё проблем. Почему нет? Игнорировать вообще долго не надо. Можно ребёнка поставить в угол, но ненадолго. Если вы его там передержите, вы рискуете получить проблемы. Я думаю, что у нас нет серьёзного, на мой взгляд, такого опять-таки на перспективу подхода к отношениям с тремя очень разными балтийскими странами. Польша — на будущее. Но Польша — очень важная страна. Мы на самом деле с Европой сможем тогда наладить отношения действительно полноформатные, если Европа будет оставаться Европейским Союзом, что я предполагаю, когда у нас будут более или менее приличные отношения с Польшей. Я думаю, когда поляки не будут ставить палки в любые российские предложения, тогда, я думаю, у нас с Европой отношения будут получше.

Бурлинова. Добрый день! Наталья Бурлинова, «Креативная дипломатия». Дмитрий Витальевич, у Вас такая интересная мысль была высказана, Вы сказали, что Соединённые Штаты были готовы договариваться со Сталиным, с Брежневым, но это совершенно невозможно с Владимиром Путиным. Могли бы Вы прокомментировать шире, почему Вы так считаете? И следует ли из этого, что нам в ближайшие 2, 3, 4 года не стоит ждать какого-либо официального визита ни одного, ни другого лидера, то есть ни Трампа, ни Путина встречи не состоится так или иначе? Спасибо.

Тренин. Встречи могут состояться на полях каких-нибудь мероприятий где-то в третьей стране. Они уже встречались в Гамбурге, они встречались во Вьетнаме на ногах. Такие встречи могут быть. Первая встреча была ознакомительная, вторая — вроде бы, такая чисто... я думаю, для того, чтобы проиллюстрировать, что они всё-таки разговаривают. Так что проблема, на мой взгляд, не в этом — не во встрече как таковой, потому что с Обамой встречи тоже были, а в возможности договориться. Я думаю, что есть несколько проблем. Одна проблема, самая она важная или нет, не знаю, но Соединённые Штаты в период между 1985 и, скажем, 2008 или 2014 годом (можете брать любую дату) занимали совершенно исключительное положение не только в мировой политике, но и в мировой истории. Она первая и единственная и, может быть, вообще останется единственной страной во всей человеческой истории, которая доминировала над всем миром. Недолго, 25 или около 20 лет, но это было реальное доминирование. Это доминирование не вело к вызовам, это было неоспоримое доминирование. Ни одна из великих держав, включая Россию, включая Китай, не оспаривала американское лидерство. И эти годы привили, на мой взгляд, американской элите несколько иное представление о себе, представление настолько высокого порядка, что нормально для американской элиты рассматривать визит Президента Соединённых Штатов как поощрение. То есть я еду к вам не потому, что я должен с вами о чём-то договориться, а еду к вам, потому что вы себя хорошо ведёте, и вы заслужили мой визит. Это приходит вот с таким высочайшим статусом, которого Соединённые Штаты добились. Но это просто пример.

А в целом, я думаю, что мы слишком сильно разошлись по очень важным фундаментальным вопросам мирового порядка, и договориться о чём-то кроме каких-то частных вещей... Можно договориться о том, чтобы друг друга не сбивать в Сирии; можно договориться даже о каких-то совместных действиях в отношении нераспространения ядерного оружия; можно что-то делать вместе в Афганистане; можно не воевать друг с другом в Арктике, и в Африке тоже. Но такую общую договорённость, я думаю, пока будет трудно достичь, потому что, я ещё раз подчёркиваю, для американской элиты Путин — глава клептократического мафиозного государства, которое сейчас замахнулось на сами основы либерально-демократического порядка, а это серьёзно. Причём в отличие, может быть, от европейцев, американцы верят в то, что они говорят. Мы воспитаны, некоторые из нас, по крайней мере, в условиях того, что можно назвать *double speak*: вы говорите дома одно, на работе — другое, публично, не путаете никогда и будете идиотами, если вы перепутаете, идиотами или хуже. Здесь действительно люди в это верят и совершенно серьёзно к этому относятся. Мы-то думаем, что это игра, мы-то думаем, что да, они нас прополоскали где-то, но они же сами понимают... Но они не понимают, они так именно и думают, они так именно и будут действовать. Мы не понимаем, а надо бы понимать.

Габуев. Я вижу ещё один вопрос.

Воркунова. Спасибо. Ольга Воркунова, ИМЭМО им. Примакова РАН. У меня вопрос. В первых, благодарю Вас за интересное выступление. Вот это понятие — концепция архипелага сотрудничества — какое место ОБСЕ может занять в этой концепции архипелага сотрудничества? Поскольку изначально ОБСЕ — это был механизм разрешения конфликта «Восток — Запад». Причём не на позициях «или победа, или поражение», реванш — победа, а именно поиски компромисса и некоего такого общего будущего, общего пространства, общей реальности. И здесь насколько возможны какие-то проекты в сфере экологии и те идеи и те стыковочные моменты, которые могут нас объединить с проектами Макрона, президента Франции, или те арктические вопросы, которые сближают нас со скандинавскими странами. То есть какие-то возможности выхода на этом пути. И второй момент: мы говорим о региональной идентичности, европейской идентичности, и для европейца, для стран Евросоюза всё-таки Европа — это некое такое отождествление себя с европейской идентичностью. Можем ли мы говорить и как, собственно, может выглядеть евразийская идентичность, большая Евразия? И какая может быть площадка для обсуждения вопроса о безопасности в Евразии? Что это будет? Шангри-Ла? Но это всё-таки ближе АТР. Для Европы — это Мюнхен. То есть что это может быть? Помечтать немного. Астана? Спасибо.

Тренин. Спасибо большое, Ольга. Я думаю, что, конечно, по экологии, по многим неполитическим темам можно, нужно и удастся договариваться. И я думаю, что мы традиционно слишком сосредоточены всегда на политике и внутри себя, и во внешнем мире, но политика — лишь одно из направлений и одна из сфер взаимоотношений. Есть очень много других, они балансируют друг с другом. Я думаю, что есть много возможностей для сотрудничества именно в неполитических сферах.

Что касается ОБСЕ, на мой взгляд, это полезный механизм, но я бы не стал преувеличивать его значение. Во времена холодной войны он сыграл определённую роль, большую роль. Я не думаю, что эту роль он продолжал играть после 90-х, после начала 90-х годов, и я не думаю, что эту роль ОБСЕ будет играть в будущем. Это полезная, наверное, площадка, тут есть какие-то возможности, где-то нишевые направления сотрудничества могут быть по линии ОБСЕ, но не более того. Мы видим, насколько ОБСЕ

задействована в решении... решение — не то слово, в ограничении конфликта на Донбассе — в очень небольшой степени. Мало кто готов ОБСЕ придать больше возможностей. Может ли она в дальнейшем стать вот таким форумом опять, как это было? Не знаю. Может быть, да. Но для меня это вопрос скорее чисто практический. Давайте посмотрим, что нам лучше когда-то, когда мы в будущем подойдём к моменту нового переустройства, условно говоря, европейской безопасности, когда те конфликты, о которых мы говорим, будут более или менее решены, и встанет вопрос о том, как это оформить, урегулировать, ОБСЕ может стать такой площадкой, а может быть, нет, может быть, мы придумаем что-нибудь другое. ОБСЕ сама по себе как организация роли не играла, не играет и играть не будет. Сама по себе.

Что касается идентичности — я думаю, что Россия — страна европейская, но она не часть Европы, если под Европой мы понимаем организованную Европу, и не будет частью Европы. Это не умозаключение, а это заключение по итогам последних 30 лет. Мы хотели стать частью Европы, это не получилось по нескольким очень серьёзным, очень фундаментальным причинам. Мы оказались не готовы передать суверенитет вверх, кому-то ещё, а они оказались не готовы включить в свой состав такую огромную, неустроенную, непредсказуемую, неизвестную страну, как Россия. Тоже можно понять, и, на мой взгляд, совершенно правильно поступили. Мы из этого должны сделать вывод о том, что Россия — страна, которая с Европой может существовать бок о бок, но включать её в состав Европы тем или иным способом — организованной Европы — нет смысла. Это не значит, что не может быть каких-то единых институтов, которые объединяют Россию и Европу. Наверное, их очень много может быть, и это может быть очень плодотворное сотрудничество. Но вот такое: дружить как бы домами, а не жить в одной коммунальной квартире. Я думаю, что Россия — страна действительно европейская. Она не евразийская. Евразийской идентичности нет, на мой взгляд, и быть не может быть, потому что идентичность — это вещь всё-таки культурная. Евразия — это географическое место ... Даже Азия не является эквивалентом Европы. Европа — у нас некая не только географическая или даже геополитическая данность. Это определённая культурная матрица, это определённые сложившиеся веками очень близкие отношения, это ценности прежде всего, это очень много всего в понятии «Европа». То, что абсолютно отсутствует в понятии «Азия»; там есть другое, но этого нет. Там есть свои ценности, конечно, но они не общеазиатские. Скажем, Грузия и Корея — они далеки... Может быть, Грузия — это Европа, но Иран и Корея... Так что большая Евразия, о которой я говорил — это результат в том числе постепенного ухода Соединённых Штатов к своим берегам и постепенного переформатирования мира в этой связи. Это значит, что страны этого большого комитента, которые всё больше и больше оказываются связанными друг с другом благодаря китайской политике, инициативе пояса их пути в огромной степени, но не только. Они оказываются соединёнными самыми разными ниточками, которых раньше не было. Идентичность не сложится, но площадка складывается, потому что то, что делает Китай где-нибудь в Пакистане, в Шри-Ланке, в Джибути имеет уже некоторое отношение к тому, что он может сделать на Ближнем и Среднем Востоке, к тому, что он может сделать на Восточном Средиземноморье. Китайские саммиты с шестнадцатью европейскими странами — это тоже довольно серьёзная заявка. Китайские манёвры в Балтике, в Чёрном море и так далее — это тоже. Раньше Европа приходила туда. Теперь Азия приходит сюда.

Мы должны исходить из этой реальности. Не то, что существует где-то какая-то граница по Уральской хребту или по речке Урал. Нет такой границы. Всё вместе. Но эта площадка не означает формирования идентичности. Какая там может быть единая площадка — я думаю, рано говорить. Есть Шангри-Ла, о которой Вы говорите. Наверное, есть большие

неиспользованные (в принципе, их очень трудно использовать) резервы, связанные с ШОСом. Не очень здорово идёт этот проект во многих отношениях. Там тоже есть какие-то возможности. Так что должно быть много площадок. Мы живём в мире, где будет очень много центров, очень много игроков. Это мир, совершенно отличающийся по этому фундаментальному показателю от времен Холодной.... Мы от суперцентрализации, сведения всего к советско-американскому конфликту перешли к очень большой децентрализации. Эта децентрализация усиливается, и поэтому площадок будет много. Главное, чтобы они были эффективными.

Габуев. Очень коротко. Очень короткие вопросы, очень короткие ответы. Это два последних вопроса.

Муж. Спасибо огромное. Дмитрий Витальевич, спасибо за очень интересную презентацию. У меня один вопрос и один комментарий, если можно. Вопрос такой: вот эта децентрализация и такое охлаждение отношений между Россией и США, отношений, которые сейчас, можно сказать, находятся на нулевой точке, может быть, это во благо России? Потому что в этой ситуации у России развязаны руки, и она может самостоятельно в каких-то краткосрочных или в долгосрочных альянсах формировать какую-то внешнюю политику, ту, которая нужна ей. Это первый вопрос. И второй вопрос. Я хотел бы сделать некоторый комментарий по поводу Прибалтики. В начале 2000-х годов, это был 2001 или 2002 год, когда я пришёл на работу в Администрацию Президента, управление по внешней политике, я как раз занимался Прибалтикой. Я могу вам сказать, что начиная с 2001 года до 2005 года, в администрации так и не была сформирована никакая внешняя политика в отношении прибалтийских государств. Всё в основном сводилось вокруг русскоязычного населения, защиты прав русскоязычного населения. Тогда был медовый месяц между Россией и Великобританией, перед Блэром всегда ставился вопрос о том, что вот смотрите, там нарушаются права русских, Блэр всегда уходил от вопроса, потому что это не входило в тему отношений. И так до 2005 года никакой политики не было сделано. Причём тогда было две линии: первая линия — это линия на нахождение каких-то точек соприкосновения, вторая — на конфронтацию. По-моему, это всё продолжается до сих пор, тут ничего не изменилось. Спасибо.

Жен. Россия, Украина, Донбасс. Сейчас и в Мюнхене об этом говорили — возможность миротворцев на востоке Украины. Вы видите, что если они... вообще возможен договор по этому вопросу? Миротворцы на востоке, и под этими условиями Киева, чтобы они были на границе с Россией.

Тренин. Спасибо. Что касается блага России, я бы сказал, что для того, чтобы не то что победить Соединённые Штаты (я думаю, это невозможно), но отстоять своё в борьбе с Соединёнными Штатами, нужно быть очень сильными и нужно быть очень эффективными. И с той организацией, которая у нас есть сегодня, это очень проблематично. Я имею в виду и качество элиты, и качество экономики и многое другое. Поэтому, в принципе, такое длительное противостояние с гораздо более сильным игроком заставляет вас максимально совершенствоваться или мобилизовывать свои внутренние ресурсы. Так что в этом смысле это может быть во благо. Если бы это помогло России очиститься от той скверны, которая в огромном количестве у нас присутствует, если бы это дало толчок формированию (и это самое главное) современной национальной элиты, именно национальной элиты... Национальной не по цвету одного из паспортов, который находится у вас в надёжном месте, а действительно национальной элиты. Тогда да, тогда это была очень даже неплохая вещь. Но при условии, что всё это закончится миром, и мы в конце концов разойдёмся с бóльшим уважением друг к другу, как это всегда бывает

после любой войны России с другой страной, будь то Швеция, будь то Германия, будь то кто угодно. Это что касается первого вопроса.

Что касается миротворчества на Донбассе я думаю, всё зависит от того, какая будет формула. Тут очень много всяких чертей в деталях кроется. Что будет означать, Вы говорите, присутствие миротворцев на границе. Ну хорошо, мы отдадим два КПП для этих миротворцев, и они там будут находиться. Вас это устроит? Устроит — ОК, договорились; не устроит — значит не договорились. Может быть много разных вариантов. Но главное, на мой взгляд, — это добиться того, чтобы этот конфликт был обезврежен, потому что сегодня он реально вредит и он сегодня реально убивает. От этого нужно всё-таки уходить, и чем раньше, тем лучше.

Габуев. Один самый последний вопрос.

Кузуб. Я прошу прощения, мне дали сегодня минуту, поэтому буду краток. Посольство Украины, Юрий Кузуб. Дмитрий Витальевич, я не могу согласиться с одним Вашим утверждением о том, что конфликт на Донбассе неразрешим. Он решается очень просто — это прекращение финансирования оккупированных территорий, отзыв российских офицеров, которые командуют так называемыми первым и вторым армейскими корпусами, вывод техники. И в конце концов любое должностное лицо на оккупированной территории целиком подконтрольно России. То есть для этого достаточно всего-навсего одной команды из Москвы, и вопрос с Донбассом решается целиком. Соответственно, снимается один из острых вопросов двусторонних отношений, о которых Вы только что говорили. То есть говоря о том, что вопрос с Донбассом неразрешим в принципе, Вы, судя по всему, имели в виду то, что такое решение неприемлемо для России. Я только так могу это понимать. Спасибо.

Тренин. Понимаете, какая штука... Да, Вы действительно обозначили план капитуляции России, для которой сейчас нет оснований. Вы делаете всегда какие-то вещи только потому, что у вас... особенно тяжёлые вещи вы делаете только тогда, когда у вас нет другого выхода. У России капитулировать перед Украиной или перед Соединёнными Штатами нет никакой нужды. Это первое соображение. Второе соображение: предположим на секунду, что то, что Вы сказали, было бы реализовано, на мой взгляд, если бы я, скажем, играл за другую сторону, я бы не ослабил давление, я бы его усилил, и моим следующим шагом был бы Крым. Абсолютно. После того как я разобрался бы с Крымом, я бы стал разбираться с ракетами Искандер в Калининграде и так далее. Потому что проблема, я об этом сказал, не в политике России в отношении Украины, не в Крыму. Проблема в том, что Россия проводит политику, которая подрывает принцип, не основы, но подрывает принцип, на котором выстроена нынешняя международная система во главе с Соединёнными Штатами Америки. И здесь лёгкого выхода — хорошо это или плохо, но лёгкого выхода для России из этой ситуации не будет. Я не знаю, я Вас обрадовал или нет этим заключением, но это надолго. Поэтому давайте посмотрим, что будет. Спасибо всем за участие, за внимание. Большое спасибо!

Габуев. Спасибо большое за то, что нашли время прийти и хорошего дня!